

Из разговоров Густава Яноуха с Францем Кафкой. Франц Кафка, Густав Яноух

– В ваших стихах ещё слишком много шума. Это явление, сопутствующее юности, оно свидетельствует об избытке жизненных сил. Сам по себе этот шум прекрасен, хотя с искусством он ничего общего не имеет. Напротив! Шум мешает выразительности. Но я не критик. Я не умею быстро перевоплотиться, затем вернуться к самому себе и точно соразмерить дистанцию. Повторяю, я не критик. Я лишь осужденный и зритель.

– А кто судья?

– Я, правда, ещё и служитель в суде, но судей я не знаю. Должно быть, я совсем мелкий временный служитель в суде. Во мне нет ничего определенного. Определенно только страдание. Когда вы пишете?

– Вечером, ночью. Днем – очень редко. Я не могу писать днем.

– День – великий волшебник.

– Мне мешает свет, фабрика, дома, окна напротив. Но больше всего – свет. Свет отвлекает внимание.

– Возможно, он отвлекает от мрака внутреннего мира. Хорошо, когда свет берет верх над человеком. Если бы не было этих страшных, бессонных ночей, я бы вообще не писал. А так я все время осознаю свое мрачное одиночное заключение.

– Вы описываете поэта таким удивительным великаном: ноги его на земле, а голова исчезает в облаках. Конечно, это вполне привычный образ с точки зрения мещанских условностей. Это иллюзия сокровенных желаний, ничего общего не имеющих с действительностью. На самом деле поэт гораздо мельче и слабее среднего человека. Потому он гораздо острее и сильнее других ощущает тяжесть земного бытия. Для него самого его пение – лишь вопль. Творчество для художника – страдание, посредством которого он освобождает себя для нового страдания. Он не исполин, а только пестрая птица, запертая в клетке собственного существования.

– И вы тоже?

– Я совершенно несуразная птица. Я – Кавка, галка. У угольщика в Тайнхофе есть такая. Вы видели ее?

– Да, она скачет около лавки.

– Этой моей родственнице живется лучше, чем мне. Правда, у нее подрезаны крылья. Со мной этого делать не надобно, ибо мои крылья отмерли. И теперь для меня не существует ни высоты, ни дали. Смятенно я прыгаю среди людей. Они поглядывают на меня с недоверием. Я ведь опасная птица, воронка, галка. Но это лишь видимость. На самом деле у меня нет интереса к блестящим предметам. Поэтому у меня нет даже блестящих черных перьев. Я сер, как пепел. Галка, страстно желающая скрыться среди камней. Но это так, шутка... Чтобы вы не заметили, как худо мне сегодня.

В связи с получением сигнального экземпляра книжки «В исправительной колонии»:

– Выход в свет любой моей мазни всегда наполняет меня тревогой.

– Почему же вы отдаете это в печать?

– То-то и оно! Макс Брод, Феликс Велч, все мои друзья попросту отбирают у меня написанное и потом ошарашивают меня готовым издательским договором. Я не хочу причинять им неприятности, и так в конечном счете дело доходит до издания вещей, являющихся, собственно говоря, сугубо личными заметками или забавой. Частные доказательства моей человеческой слабости публикуются и даже продаются, потому что мои друзья, с Максом Бродом во главе, хотят из этого во что бы то ни стало делать литературу, а у меня нет сил уничтожить эти свидетельства одиночества... То, что я сейчас сказал, разумеется, преувеличение и мелкий выпад против моих друзей. На самом же деле я уже настолько испорчен и бесстыж, что сам помогаю им издать эти вещи. Чтобы оправдать собственную слабость, я изображаю окружение более сильным, чем оно есть в действительности. Это, конечно, обман. Я ведь юрист. Потому и не могу убежать от зла.

В связи с выходом на чешском языке «Кочегара» в переводе Милены Есенской Г. Яноух сказал:

– В повести так много солнца и хорошего настроения. Здесь так много любви, хотя о ней вообще-то не говорится.

– Это не в повести, а у объекта повествования, у молодости. Она полна солнца и любви. Молодость счастлива, потому что обладает способностью видеть прекрасное. Когда эта способность утрачивается, начинается безнадежная старость, увядание, несчастье.

– Стало быть, старость исключает всякую возможность счастья?

– Нет, счастье исключает старость. Кто сохраняет способность видеть прекрасное, тот не стареет.

– Значит, в «Кочегаре» вы очень молоды и счастливы.

– Лучше всего говорят о далеких вещах. Их видно лучше. «Кочегар» – воспоминание о некоем сне, о чем-то, чего, вероятно, никогда не было. Карл Россман не еврей. Мы же, евреи, рождаемся уже стариками.

На вопрос о том, был ли реальный прообраз у шестнадцатилетнего Карла Россмана:

– Прообразов было много и ни одного. Но это все уже в прошлом.

– Образ молодого Россмана, как и образ кочегара, очень живой.

– Это лишь побочный продукт. Я не рисую людей. Я рассказываю истории. Это картины, только картины.

– В таком случае должны быть прообразы. Основа картины – увиденное.

– Предметы фотографируют, чтобы изгнать их из сознания. Мои истории – своего рода попытка закрыть глаза.

О «Приговоре»:

– Я хотел бы знать, как вы пришли к этому. Посвящение «Для Ф.» – не простая формальность. Вы, конечно же, хотели книгой кому-то что-то сказать.

– ...«Приговор» – призрак одной ночи.

– Как так?

– Это призрак.

– Но ведь вы написали это.

– Это лишь свидетельство, предназначенное для защиты от призрака.

О «Превращении»:

– ...Замза не является полностью Кафкой. «Превращение» не признание, хотя оно – в известном смысле – и бестактно... Разве тактично и прилично – говорить о клопах, которые завелись в собственной семье?

– Разумеется, в приличном обществе это не принято.

– Видите, насколько я неприличен.

– Я думаю, определения «прилично» или «неприлично» здесь неверны. «Превращение» – страшный сон, страшное видение.

– Сон снимает покров с действительности, с которой не может сравниться никакое видение. В этом ужас жизни – и могущество искусства.

Посмотрев пачку новых книг, которые Г. Яноух собирался читать, Кафка говорит:

– Вы слишком много занимаетесь однодневками. Большинство этих современных книг – лишь мерцающие отражения сегодняшнего дня. Они очень быстро гаснут. Вам следует читать больше старых книг. Классиков. Где. Старое обнаруживает свою сокровеннейшую ценность – долговечность. Лишь бы новое – это сама преходящность. Сегодня оно кажется прекрасным, а завтра предстает во всей своей нелепости. Таков путь литературы.

– А поэзия?

– Поэзия преобразует жизнь. Иной раз это еще хуже.

Г. Яноух рассказал Кафке, что его друг, поэт Эрнст Ледерер,[1] пишет свои стихи особыми светло-синими чернилами на какой-то необычной бумаге.

– У каждого мага свой церемониал. Гайдн, например, сочинял музыку только в напудренном, как для торжеств, парике. Писание – своего рода заклинание духов.

После прочтения рукописи сборника рассказов Г. Яноуха:

– Ваши рассказы так трогательно молоды. Они говорят гораздо больше о впечатлениях, которые пробуждают в вас вещи, нежели о самих событиях и предметах. Это лирика. Вы гладите мир, вместо того чтобы хватать его... Это еще не искусство. Это выражение впечатлений и чувств – собственно говоря, робкое ощупывание мира. Глаза еще мечтательно прикрыты. Но со временем это пройдет, а ищущая вслепую рука, возможно, отдернется, словно коснувшись огня. Возможно, вы вскрикнете, начнете бессвязно бормотать или стиснете зубы и широко, очень широко раскроете глаза. Но все это лишь слова. Искусство всегда дело всей личности. Потому оно в основе своей трагично.

Кафка показал анкету с вопросами о литературе, которую проводил, кажется, Отто Пик для воскресного литературного приложения «Праге? прессе». Ткнув пальцем в вопрос «Что Вы можете сказать о своих будущих литературных планах?», он улыбнулся:

– Это глупо. На это нельзя ответить. Разве можно предсказать, как будет биться сердце в ближайшее время? Перо ведь только сейсмографический грифель сердца. Им можно регистрировать землетрясения, но не предсказывать их.

Г. Яноух рассказал Кафке о постановке двух одноактных пьес – Вальтера Хазенклевера и Артура Шницлера[2] в Новом немецком театре. «Постановка была неслаженной, – сказал Г. Яноух. – Экспрессионизм одной пьесы врывался в реализм другой, и наоборот. Наверное, мало репетировали».

– Возможно. Положение немецкого театра в Праге очень трудное. В своей совокупности это целый комплекс финансовых и человеческих обязательств, а необходимой публики нет. Это пирамида без фундамента. Актеры подчинены режиссерам, режиссерами управляет дирекция, которая несет ответственность перед комитетом театрального объединения. Это цепь, лишенная заключительного, связующего все воедино звена. Здесь нет настоящих немцев, а потому нет и надежного, постоянного зрителя. Ведь говорящие по-немецки евреи в ложах и партере не немцы, а приезжающие в Прагу немецкие студенты на балконах и галерке – это лишь форпосты рвущейся вперед власти, враги, а не слушатели. При таких условиях нельзя, разумеется, добиться серьезных творческих результатов. Силы растрачиваются на мелочи. Остаются лишь старания, усилия, которые почти никогда не достигают цели – хорошего спектакля. Потому я и не хожу в театр. Это слишком грустно.

В Немецком театре поставили драму Вальтера Хазенклевера «Сын».

– Бунт сына против отца – старейшая тема литературы и еще более древняя проблема мира. Ей посвящены драмы и трагедии, в действительности же это материал для комедий. Это правильно понял ирландец Синг.[3] В его драме «Герой Запада» сын – молодой болтун, хвастающийся, что прикончил отца. Но потом старик появляется и разоблачает молодого ниспровергателя отцовского авторитета.

– Я вижу, вы очень скептически относитесь к борьбе молодости против старости.

– Мой скепсис ведь не меняет того факта, что борьба эта, в сущности, лишь мнимая борьба... Старость – будущее молодости, которого она раньше или позже должна достичь. Зачем же бороться? Чтобы скорее постареть? Чтобы скорее уйти?

Г. Яноух рассказывает, как в детстве он вместе с матерью посетил еврейский квартал в польском городе Пшемьсль и как из старых домов и темных лавчонок выбегали люди и, плача и смеясь, целовали руки и края одежды его матери, которая, как он позднее узнал, во время погрома прятала в своем доме многих евреев.

– А я хотел бы бежать к этим бедным евреям в гетто и молча, совсем молча целовать края их одежды. Я был бы совершенно счастлив, если бы они могли молчаливо сносить мою близость.

– Вы так одиноки?

Кафка кивнул.

– Как Каспар Гаузер?[4]

– Гораздо более, чем Каспар Гаузер. Я одинок, как... Франц Кафка.

В беседе о пьесе Макса Брода «Мошенник» Г. Яноух рассказал, как он представляет себе режиссуру спектакля. Речь зашла о сцене, в которой появление женщины, сразу меняет всю ситуацию, по мнению же Г. Яноуха, персонажи на сцене должны медленно отступать перед появляющейся женщиной; Кафка с этим не согласился.

– Все должны отпрянуть, как громом пораженные.

– Это было бы слишком театрально.

– Так и должно быть. Актер должен быть театральным. Его чувства и их выражение должны быть сильнее, чем чувства и их выражение у зрителя, для того чтобы достичь желаемого воздействия на зрителя. Чтобы театр мог воздействовать на жизнь, он должен быть сильнее, интенсивнее повседневной жизни. Таков закон тяготения. При стрельбе нужно целиться выше цели.

По поводу постановки драмы Эрнста Вайса «Таня»:[5]

– Самое лучшее там – фантастическая сцена с Таниным ребенком. Театр сильнее всего воздействует тогда, когда он делает нереальные вещи реальными. Тогда сцена становится перископом души, позволяющим заглянуть в действительность изнутри.

Г. Яноух спросил, что думает Кафка о содержащемся в книге Казимира Эдшмида «Двуугольная нимфа»[6] (в главе «Теодор Дойблер и школа абстрактного») высказывании о нем.

– Эдшмид говорит обо мне так, словно я конструктор. На самом же деле я лишь очень посредственный, неумелый копировщик. Эдшмид утверждает, что я втискиваю чудеса в обычные происшествия. Это, разумеется, глубокая ошибка с его стороны. Обычное – уже само по себе чудо! Я только записываю его. Возможно, что я немного подсвечиваю вещи, как осветитель на полу затемненной сцене. Но это неверно! В действительности сцена совсем не затемнена. Она полна дневного света. Потому люди зажимают глаза и видят так мало.

– Между мировосприятием и действительностью часто существует болезненное несоответствие.

– Все есть борьба, битва. Лишь тот достоин жизни и любви, кто каждый день идет за них на бой,[7] сказал Г?те... Г?те говорит почти обо всем, что касается нас, людей.

– Мой друг Альфред Кемпф сказал мне, что Освальд Шпенглер полностью почерпнул свое учение о гибели западного мира из г?тевского «Фауста».

– Вполне возможно. Многие так называемые ученые транспонируют мир поэта в другую, научную сферу и добиваются таким путем славы и веса.

Кафка заметил в руках у Г. Яноуха «Песни висельника» Кристиана Моргенштерна[8] и спросил:

– Знаете ли вы его серьезные стихотворения? «Время и вечность»? «Ступени»?

– Нет, я даже не знал, что у него есть серьезные стихи.

– Моргенштерн страшно серьезный поэт. Его стихи так серьезны, что ему приходится спасаться от своей собственной нечеловеческой серьезности в «Песнях висельника».

О романе Якоба Вассермана «Каспар Гаузер, или Леность сердца»:

– Вассермановский Каспар Гаузер давно уже не найден. Он теперь узаконен, нашел свое место в мире, зарегистрирован в полиции, является налогоплательщиком. Правда, свое старое имя он сменил. Теперь его зовут Якобом Вассерманом, он немецкий романист и владелец виллы. Втайне он тоже страдает леностью сердца, которая вызывает у него угрызения совести. Но их он перерабатывает в хорошо оплачиваемую прозу, и все, таким образом, в полнейшем порядке.

Г. Яноух рассказал, что его отец любит стихотворения в прозе Альтенберга[9] и вырезает из газет его небольшие рассказы.

– Петер Альтенберг действительно поэт. В его маленьких рассказах отражается вся его жизнь. И каждый шаг, каждое движение, которые он делает, подтверждает правдивость его слов. Петер Альтенберг – гений незначительности, редкостный идеалист, который находит красоты мира, как окурки в пепельницах в кафе.

О романе Густава Мейринка «Толем»:[10]

– Удивительно уловлена атмосфера старого пражского еврейского квартала. У нас все еще есть темные углы, таинственные проходы, слепые окна, грязные дворы, шумные и тайные притоны. Мы ходим по широким улицам вновь построенного города. Но наши шаги и взгляды неуверенны. Внутренне мы еще дрожим, как в старых улочках нищеты. Наше сердце еще ничего не знает о проведенной реконструкции. Нездоровый старый еврейский квартал в нас гораздо реальнее, чем гигиенический новый город вокруг нас. Бодрствуя, мы идем сквозь сон – сами лишь призраки ушедших времен.

– Кьеркегор стоит перед проблемой: эстетически наслаждаться бытием или жить по законам нравственности. Но мне кажется, что такая постановка вопроса неправильна. Проблема «или – или» живет лишь в голове Серена Кьеркегора. В действительности же эстетически наслаждаться бытием можно, только смиренно живя по законам нравственности. Но это мое мнение лишь в данную минуту, от которого я, может быть, при дальнейшем размышлении откажусь.

– Вы хотите получить от меня совет. Но я плохой советчик. Для меня дать совет, по сути, всегда значит предать. Совет – трусливое отступление перед будущим, являющимся пробным камнем нашего настоящего. Но проверки боится лишь тот, у кого нечистая совесть. Человек, не выполняющий задачи своего времени. Однако кто совершенно точно знает свою задачу? Никто. Потому у каждого из нас нечистая совесть, от которой хочется убежать – как можно скорее уснув.

Г. Яноух заметил, что Иоганнес Р. Бехер в одном стихотворении[11] назвал сон дружеским визитом смерти.

– Это верно. Возможно, моя бессонница лишь своего рода страх перед визитером, которому я задолжал свою жизнь.

В связи с выходом нового номера издаваемого Карлом Краусом[12] журнала «Факел»:

– Он великолепно разделяет журналистов. Только заядлый браконьер может быть таким строгим лесничим.

О маленьких, блестяще написанных эссе Альфреда Польша, [13] часто появлявшихся на страницах «Прагер тагблатт»:

– Его фразы так гладки и приятны, что чтение Альфреда Польша воспринимаешь как своего рода непринужденную светскую беседу и совсем не замечаешь, что на тебя, собственно говоря, влияют и воспитывают тебя. Под лайковыми перчатками формы скрывается твердая, бесстрашная сила содержания. Польша – маленький, но деятельный маккавеец в стране филистеров.

Возвращая Яноуху книгу стихотворений Франсиса Жамма:[14]

– Он так трогательно-прост, так счастлив и силен. Жизнь для него – не эпизод между двумя ночами. Он вообще не знает темноты. Он и весь его мир надежно укрыты во всемогущей длани божьей. Как дитя, он обращается к боженьке на «ты», словно к члену своей семьи. Потому он и не стареет.

По поводу романа Альфреда Д?блина «Три прыжка Ван-Луны»:

– Это большое имя среди новых немецких романистов. Кроме этой его первой книги, я знаю только несколько небольших рассказов и странный любовный роман «Черный занавес». Мне кажется, Д?блин должен воспринимать зримый мир как нечто абсолютно несовершенное, и творчески дополнить этот мир призвано его слово. Это мое впечатление. Но если вы будете внимательно его читать, вы придете к тому же.

О книге Альфреда Д?блина «Черный занавес, роман о словах и случайностях»:

– Я не понимаю этой книги. Случайностями называют стечение событий, причинность которых неизвестна. Но без причинности нет мира. Поэтому случайности существуют, собственно, не в мире, а лишь здесь. (Кафка дотрагивается левой рукой до лба.) Случайности существуют только в нашей голове, в нашем ограниченном восприятии. Они – отражение границ нашего познания. Борьба против случайности – всегда борьба против нас самих, борьба, в которой мы никогда не можем стать победителями. Но об этом в книге ничего нет.

– Вы, значит, разочаровались в Д?блине?

– В сущности, я разочаровался только в самом себе. Я ожидал чего-то другого, чем то, что он, вероятно, хотел дать. Но упорство моего ожидания так ослепило меня, что я перепрыгивал через страницы и строчки, а к концу – через всю книгу. Поэтому я ничего не могу сказать о книге. Я очень плохой читатель.

В трех воскресных номерах «Прага? прессе» публиковалось сочинение Франца Блей[15] «Великий литературный зверинец». Автор описывал различных писателей и поэтов как рыб, птиц, кротов, зайцев и т. д. О Кафке было сказано, кроме всего прочего, что он особая птица, питающаяся горькими корнями. О Франце Блее Кафка заметил:

– Это давнишний приятель Макса Брода. Блей – человек огромного ума и остроумия. Когда мы собираемся вместе, мы очень веселимся. Мировая литература дефилирует перед нами в подштаниках. Франц Блей гораздо умнее и значительнее того, что он пишет. И это совершенно естественно, ибо это только запись разговоров. А путь от головы к перу намного длиннее и труднее, нежели путь от головы к языку. Тут многое теряется. Франц Блей – восточный рассказчик историй и анекдотов, по ошибке попавший в Германию.

О сборнике стихотворений Иоганнеса Р. Бехера:

– Я не понимаю этих стихов. Здесь такой шум и словесная толчея, что никак не уйдешь от себя самого. Слова превращаются не в мосты, а в высокие непреодолимые стены. Все время натыкаешься на форму, так что к содержанию вообще не пробиться. Слова не сгущаются здесь в язык. Это вопль. И только.

О двух книгах Г.К. Честертон – «Ортодоксия» и «Человек, который был Четвергом»:

– Это так весело, что можно почти поверить, будто он нашел бога.

– Смех для вас признак религиозности?

– Не всегда. Но в такое безбожное время нужно быть веселым. Это наш долг. Когда «Титаник» шел ко дну, его оркестр продолжал играть. Так отчаяние лишается почвы.

– Но судорожная веселость гораздо грустнее, чем открыто выраженная грусть.

– Верно. Но грусть безысходна. А речь идет о надежде, об исходе, о будущем – только об этом. Опасность длится лишь одно маленькое, ограниченное мгновение. За ним – пропасть. Если преодолеешь ее, все станет иначе. Все дело в мгновении. Оно определяет жизнь.

О Бодлере:

– Поэзия – болезнь. Сбить температуру еще не значит выздороветь. Напротив! Жар очищает и просветляет.

Прочитав чешский перевод воспоминаний Максима Горького о Льве Толстом,[16] Кафка сказал:

– Поразительно, как Горький рисует характерные черты человека, не давая своей оценки. Я хотел бы прочитать его заметки о Ленине.

– Разве Горький опубликовал воспоминания о Ленине?

– Нет, он этого еще не сделал. Но я думаю, что он когда-нибудь непременно их опубликует. Ленин дружен с Горьким. А Максим Горький видит и все ощущает пером. Это видно по заметкам о Толстом. Перо не инструмент, а орган писателя.

В связи с процитированной Г. Яноухом фразой из книги Михаэля Груземана об авторе «Бесов»: «Достоевский – кровавая сказка».

– Некровавых сказок не бывает. Всякая сказка исходит из глубин крови и страха. Это роднит все сказки. Внешняя оболочка различна. В северных сказках не так много пышной фауны фантазии, как в сказках африканских негров, но зерно, глубина тоски одинаковы.

О Генрихе Гейне:

– Несчастный человек. Немцы обвиняли и обвиняют его в еврействе, а ведь он немец, и притом маленький немец, находящийся в конфликте с еврейством. И как раз это и есть типично еврейское в нем.

В беседе о книге «Человек добр» Леонгарда Франка:

– В большинстве своем люди вовсе не злы. Люди поступают плохо и навлекают на себя вину потому, что говорят и действуют, не представляя себе последствий своих слов и поступков. Они лунатики, а не злодеи.

Кафка рассказал, что Георг Траклъ отравился, чтобы уйти от ужасов войны. «Дезертировал в смерть», – заметил Г. Яноух.

– У него было слишком сильное воображение. Потому он и не мог вынести войны, возникшей главным образом из-за неслышанного отсутствия воображения.

После десятидневной болезни Г. Яноух пришел к Кафке в канцелярию и сказал, что чувствует себя гораздо крепче, чем до болезни.

– Оно и понятно. Вы перенесли встречу со смертью. Это укрепляет.

– Вся жизнь – лишь путь к смерти.

– Для здорового человека жизнь, собственно говоря, лишь неосознанное бегство, в котором он сам себе не признается, – бегство от мысли, что рано или поздно придется умереть. Болезнь всегда одновременно и напоминание, и проба сил. Потому болезнь, боль, страдание – важнейшие источники религиозности...

– Что вы читаете?

– «Ташкент – город хлебный»...[17]

– Изумительная книга. Я недавно прочитал ее за один вечер.

– Мне кажется, книга эта скорее документ, нежели произведение искусства.

– Всякое подлинное искусство – документ, свидетельство. Народ, у которого такие мальчики, как в этой книге, – такой народ нельзя победить.

– Но дело, вероятно, не в единицах.

– Напротив! Вид материи определяется количеством электронов в атоме. Уровень массы зависит от сознания единиц.

– Между евреями и немцами много общего. Они усердны, дельны, прилежны, и их изрядно ненавидят другие. Евреи и немцы – изгой.

– Возможно, их ненавидят как раз из-за этих качеств?

– О нет! Причина гораздо глубже. В основе своей это религиозная причина. У евреев это ясно. У немцев это не так явственно, потому что их храм еще не разрушен. Но это еще произойдет.

– Как так? Ведь немцы не теократический народ. У них нет национального бога в собственном храме.

– Так принято считать, в действительности же дело обстоит совсем иначе. У немцев есть «бог, который велит ковать железо».[18] Их храм – прусский генеральный штаб.

Кафка рассказал, что пражский еврейский писатель Оскар Баум мальчиком ходил в немецкую школу. Обычно после занятий по дороге домой происходили драки между немецкими и чешскими школьниками. Однажды во время подобной потасовки Оскара Баума ударили пеналом по глазам, и у него отслоилась сетчатка, он ослеп.

– Еврей Оскар Баум потерял зрение как немец, каковым он, в сущности, никогда не был и каковым его никогда не считали. Может быть, Оскар – печальный символ так называемых немецких евреев в Праге.

В разговоре об отношениях между чехами и немцами Г. Яноух сказал, что для лучшего взаимопонимания обеих наций было бы хорошо издать чешскую историю на немецком языке.

– Бесплезно. Кто станет ее читать? Разве что чехи и евреи. Немцы определенно не станут, они ведь не стремятся узнавать, понимать, читать. Они хотят только владеть и править, а понимание – обычно лишь помеха на пути к этому. Угнетать ближнего куда легче, если ничего не знаешь о нем. Совесть тогда не мучает...

Тейлоризм и разделение труда в промышленности.

– Это страшное дело.

– Вы думаете при этом о порабощении человека?

– Речь идет о большем. Результатом такого чудовищного преступления может стать только господство зла. Это естественно. Самая возвышенная и наименее осязаемая часть творения – время – втиснута в сеть нечистых деловых интересов. Тем самым пачкается и унижается все творение, и прежде всего – человек, составная часть его. Такая «затейлоризированная» жизнь – страшное проклятие, которое может породить только голод и нищету вместо желанного богатства и прибыли. Это шаг вперед к...

– Концу мира?

– Если бы хоть это можно было сказать с уверенностью. Но ни в чем нельзя быть уверенным. Потому ничего нельзя сказать. Можно только кричать, заикаться, хрипеть. Конвейер жизни несет человека куда-то – неизвестно куда. Человек превращается в вещь, в предмет, перестает быть живым существом.

Кафка листает принесенную Г. Яноухом книгу Альфонса Паке «Дух русской революции».[19]

– Спасибо. У меня сейчас нет времени. А жаль. Люди в России пытаются построить совершенно справедливый мир. Это религиозное дело.

– Но ведь большевизм выступает против религии.

– Он делает это потому, что он сам – религия. Интервенции, мятежи и блокады – что это такое? Это небольшие прелюдии к великим, лютым религиозным войнам, которые пробушуют над миром.

Встретив большую группу рабочих, направляющихся со знаменами и плакатами на собрание, Кафка заметил:

– Эти люди так уверены в себе, решительны и хорошо настроены. Они овладели улицей и потому думают, что овладели миром. Но они ошибаются. За ними уже стоят секретари, чиновники, профессиональные политики – все эти современные султаны, которым они готовят путь к власти.

– Вы не верите в силу масс?

– Я вижу ее, эту бесформенную, казалось бы неукротимую силу масс, которая хочет, чтобы ее укротили и оформили. В конце всякого подлинно революционного процесса появляется какой-нибудь Наполеон Бонапарт.

– Вы не верите в дальнейшее развертывание русской революции?

– Чем шире разливается половодье, тем более мелкой и мутной становится вода. Революция испаряется, и остается только ил новой бюрократии. Оковы измученного человечества сделаны из канцелярской бумаги.[20]

Г. Яноух рассказал Кафке о докладе, организованном союзом студентов-марксистов в клубе социал-демократов и посвященном положению в России.

– Я ничего не смыслю в политических делах. Это, разумеется, недостаток, от которого я бы охотно избавился. Но у меня так много недостатков! Самое близкое все больше и больше уходит от меня вдаль. Я восхищаюсь Максом Бродом, который хорошо ориентируется в дебрях политики. Он часто и очень много и долго рассказывает мне о текущих событиях. Я слушаю его, как сейчас слушаю вас, и тем не менее не могу полностью понять их.

– Я неясно рассказывал?

– Вы меня не поняли. Вы хорошо рассказывали. Дело во мне. Война, революция в России и беды всего мира представляются мне половодьем зла. Это наводнение. Война открыла шлюзы хаоса. Наружные вспомогательные конструкции человеческого существования рушатся. Исторический процесс держится уже не на личности, а только на массах. Нас толкают, теснят, сметают. Мы претерпеваем историю.

– Стало быть, вы считаете, что человек больше не является сотворцом мира?

– Вы опять не поняли меня. Напротив, человек отказался от участия в созидании мира и ответственности за него.

– Это не так. Разве вы не видите роста рабочей партии? Активности масс?

– В том-то и дело. Движение лишает нас возможности созерцания. Наш кругозор сужается. Сами того не замечая, мы теряем голову, не теряя жизни.

– Вы считаете, что люди становятся безответственными?

– Мы все живем так, словно мы самодержцы. Из-за этого мы становимся нищими.

– К чему это приведет?

– Ответы – лишь желания и обещания. Но они не дают уверенности.

– Если нет уверенности, чем в таком случае является вся жизнь?

– Крушением. Возможно, грехопадением.

– Что есть грех?

– Что есть грех... Мы знаем слово и деяние, но мы утратили ощущение и познание. Может быть, это уже есть проклятие, покинутость богом, безумие... Не ломайте себе голову над тем, что я вам сказал.

– Почему? Вы ведь говорили совершенно серьезно.

– Именно поэтому. Моя серьезность может подействовать на вас, как яд. Вы молоды.

– Но ведь молодость не недостаток. Она не может помешать мне думать.

– Я вижу, мы сегодня действительно не понимаем друг друга. Но это даже хорошо. Непонимание защитит вас от моего злого пессимизма, который и есть грех.

Перелистывая книгу «Освобождение человечества, свободлюбивые идеи в прошлом и настоящем», Кафка долго рассматривал репродукции картин «Война» Арнольда Б?клина и «Апофеоз войны» В. В. Верещагина.

– В сущности, войны еще никогда не изображались правильно. Обычно показывают только отдельные явления или результаты – вот как эта пирамида черепов. Но самое страшное в войне – уничтожение всех существующих гарантий и соглашений. Физическое, животное заглушает и душит все духовное. Это как раковая болезнь. Человек живет уже не годы, месяцы, дни, – часы, а только мгновения. И даже в течение мгновения он не живет. Он лишь осознает его. Он просто существует.

– Это вызывается близостью смерти.

– Это вызывается знанием и боязнью смерти.

– Разве это не одно и то же?

– Нет, это совсем не одно и то же. Тот, кто познал всю полноту жизни, тот не знает страха смерти. Страх перед смертью лишь результат неосуществившейся жизни. Это выражение измены ей.

По поводу бесчисленных международных конференций послевоенного времени:

– У этих больших политических собраний уровень обычных встреч в кафе. Люди очень много и очень громко говорят, для того чтобы сказать как можно меньше. Это очень шумное молчание. По-настоящему существенны и интересны при этом лишь закулисные сделки, о которых не упоминают ни единым словом.

– По вашему мнению, пресса не служит истине.

– Истина относится к тем немногим действительно великим ценностям жизни, которые нельзя купить. Человек получает их в дар, так же как любовь или красоту. Газета же – товар, которым торгуют.

– Значит, пресса служит оглуплению человечества.

– Нет, нет! Вс?, в том числе и ложь, служит истине. Тени не гасят солнца.

В одной газетной статье говорится о плохих перспективах мира в Европе.

– Но ведь мирный договор окончательный, – заметил Г. Яноух.

– Нет ничего окончательного. По словам Авраама Линкольна, ничто не урегулировано окончательно, пока не урегулировано справедливо.

– Когда же это будет?

– Кто знает? Люди не боги. История создается ошибками и героизмом любого самого незначительного момента. Когда бросают камень в реку, на воде образуются круги. Но большинство людей живет без сознания сверхиндивидуальной ответственности, и в этом, мне кажется, источник всех бед.

– Что вы скажете по поводу Макса Х?льца?[21]

– Разве можно злом достичь добра? В сущности, сила, которая пытается противостоять судьбе, есть слабость. Куда сильнее тот, кто готов все отдать и все принять. Но этого не может понять маркиз де Сад.

– Маркиз де Сад?

– Да, маркиз де Сад, историю которого вы дали мне читать, поистине покровитель нашего времени... Он ощущает радость, только заставляя страдать других, подобно тому как роскошь богатых оплачивается нищетой бедных.

Г. Яноух показывает Кафке репродукции картин Винсента Ван Гога.

– Как прекрасен этот сад при кафе на фоне фиолетовой ночи. Другие картины тоже хороши. Но этот сад очаровывает меня. Вы знаете его рисунки?

– Нет, их я не знаю.

– Жаль. Они воспроизведены в книге «Письма из сумасшедшего дома». Может быть, вы где-нибудь увидите эту книгу. Я так хотел бы уметь рисовать. Я все время пытаюсь делать это. Но ничего не получается. Только какие-то иероглифы, которые потом и сам не могу расшифровать.

По поводу антологии поэтов-экспрессионистов:[22]

– Книга навевает на меня грусть. Поэты протягивают руки навстречу людям. Но люди видят не дружеские руки, а судорожно сжатые кулаки, нацеленные в глаза и сердце.

В разговоре о новом издании платоновских законов идеального государства Г. Яноух высказал сомнение, правильно ли поступает Платон, исключая поэтов из своего государства.

– Это вполне понятно. Поэты пытаются заменить людям глаза, чтобы тем самым изменить действительность. Потому они, в сущности, враждебные государству элементы, – они ведь хотят перемен. Государство же и вместе с ним все его преданные слуги хотят незыблемости.

На выставке французской живописи, где были и картины Пикассо – кубистский натюрморт и розовые женщины с огромными ногами, – Г. Яноух назвал Пикассо «озорным деформатором».

– Я так не думаю. Он просто отмечает уродства, еще не осознанные нашим сознанием. Искусство – зеркало, иной раз оно «уходит вперед», как часы.

Рассматривая фотографии конструктивистских картин:

– Все это только мечты о чудесной Америке, о волшебной стране неограниченных возможностей. Оно и вполне понятно, ибо Европа все больше и больше становится страной невыносимой ограниченности.

Просматривая издание политических рисунков Георга Гросса,[23] Яноух заметил: «Это же ненависть!»

– Разочарованная молодежь. Это ненависть, возникающая из невозможности любить. Сила выразительности порождена определенной слабостью. В этом источник отчаяния и жестокости этих рисунков. Кстати, в одном альманахе я читал какие-то стихи Гросса.

Кафка указал на рисунки:

– Это рисованная литература.

Перелистывая книгу с рисунками Георга Гросса:[24]

– Старое представление о капитале – толстяк в цилиндре сидит на деньгах бедняков.

– Но это ведь только аллегория.

– Вы говорите «только»? Аллегория превращается в головах людей в отражение действительности, что, разумеется, неверно. Но заблуждение уже возникло.

– Вы считаете, что такое изображение неверно?

– Я совсем не это хотел сказать. Оно и верно, и неверно. Верно оно только с одной стороны. Неверно оно постольку, поскольку часть выдается за целое. Толстяк в цилиндре сидит у бедняков на шее. Это верно. Но толстяк олицетворяет капитализм, и это уже не совсем верно. Толстяк властвует над бедняком в рамках определенной системы. Но он не есть сама система. Он даже и не властелин ее. Напротив, толстяк тоже носит оковы, которые не показаны. Изображение неполно. Потому оно и не хорошо. Капитализм – система зависимостей, идущих изнутри наружу, снаружи вовнутрь, сверху вниз и снизу вверх. Все зависимо, все скованно. Капитализм – состояние мира и души...

– Истинная реальность всегда нереалистична. Поглядите на ясность, чистоту и правдивость китайской цветной гравюры на дереве. Уметь бы так говорить!

– Форма выражения мне не совсем понятна, – сказал Г. Яноух по поводу гравюр на линолеуме Иозефа Чапека, воспроизведенных в журнале «Червень».

– Тогда вы не понимаете и содержания. Форма не есть выражение содержания, а лишь приманка, ворота и путь к содержанию. Возымает оно действие – тогда откроется скрытый задний план.

Один из пражских журналов проводил анкету, первый вопрос которой гласил: «Существует ли молодое искусство?» На замечание Г. Яноуха, что такой вопрос звучит странно, ибо существует только или искусство, или халтура, Кафка сказал:

– В этом вопросе ударение не на существительном «искусство», а на определяющем прилагательном «молодое». Это значит, что те, кто задает его, серьезно сомневаются в существовании художественной молодежи. В наше время действительно трудно представить себе свободную, ничем не отягощенную молодежь. Страшный поток этих лет затопил все. В том числе и детей. Грязь и молодость исключают, конечно, друг друга. Но что ныне случилось с молодостью? Она так близка и дружна с грязью. Людям введомы власть грязи. Власть же молодости они забыли. Потому они сомневаются в самой молодости. А что за искусство без хмеля молодой уверенности?.. Молодость слаба. А давление извне так сильно. Необходимость защищаться и в то же время сдаваться рождает судорогу, искажающую лицо. Язык молодых художников больше скрывает, нежели выявляет.

Г. Яноух говорит, что молодые художники, с которыми он встречался, обычно люди в возрасте около сорока лет.

– Это верно. Многие люди лишь теперь наверстывают свою молодость. Лишь теперь они играют свои детские игры в разбойников, индейцев. Разумеется, они не бегают с луком и стрелами по дорожкам городского парка. Нет! Они сидят в кино и смотрят приключенческие фильмы. Вот и все. Темный зал кинотеатра – волшебный фонарь их упущенной молодости.

В разговоре о молодых писателях:

– Я завидую молодым.

– Но ведь вы еще не так стары.

– Я стар, как Вечный жид... Вот теперь я напугал вас. Это была только жалкая попытка пошутить. Но молодым я действительно завидую. Чем старше человек становится, тем больше расширяется его кругозор. А жизненные возможности становятся все меньше и меньше. К концу остается один лишь взгляд, один лишь выдох. В этот момент человек, наверное, оглядывает всю свою жизнь. В первый и последний раз.

Увидев среди книг в портфеле Г. Яноуха детективный роман:

– Вам нечего стыдиться, что вы это читаете. «Преступление и наказание» Достоевского, в сущности, тоже детективный роман. А

«Гамлет» Шекспира? Это детективная пьеса. Действие основано на тайне, которая постепенно раскрывается. Но существует ли большая тайна, чем истина? Искусство всегда лишь экспедиция за истиной.

– Но что есть истина?

– Похоже на то, будто вы поймали меня на пустой фразе. На самом же деле это не так. Истина – то, что нужно каждому человеку для жизни и что тем не менее он не может ни у кого получить или приобрести. Каждый человек должен непрерывно рождать ее из самого себя, иначе он погибнет. Жизнь без истины невозможна. Может быть, истина и есть сама жизнь.

Листая немецкий перевод статей Оскара Уайльда «Замыслы»:

– Это сверкает и манит, как может сверкать и манить только отравы.

– Вам не нравится эта книга?

– Я не сказал этого. Напротив, она может слишком легко понравиться. И в этом тоже одна из опасностей. Ибо опасна книга, играющая с истиной. Игра с истиной всегда игра с жизнью.

– Вы считаете, что без истины нет настоящей жизни?

– Часто ложь лишь выражение страха перед тем, что истина может раздавить. Это проекция собственного ничтожества, греха, которого страшатся.

Прощаясь перед отъездом Кафки в санаторий в Татрах, Г. Яноух выразил надежду на его скорое выздоровление, на то, что «будущее все поправит, все изменится». Кафка прижал руку к своей груди.

– Будущее уже здесь, во мне. Изменение – это только обнажение скрытых ран.

– Раз вы не верите в выздоровление, зачем же вы едете в санаторий?

– Каждый подсудимый пытается добиться отсрочки приговора.

Примечания

Книга чешского музыканта и литератора Густава Яноуха (1903–1968) «Разговоры с Кафкой» носит особый характер.

Г. Яноух познакомился с Кафкой в марте 1920 года, в канцелярии общества социального страхования «Arbeiter-Unfallversicherungsanstalt», где вместе с Кафкой работал отец Яноуха, однажды показавший своему коллеге стихи сына. После этого они часто встречались и беседовали. По словам Г. Яноуха, он в 1926 году, участвуя в издании на чешском языке рассказов Кафки, получил от издателя Йозефа Флориана предложение подготовить для публикации свои дневниковые заметки о Кафке. Он выписал из своих дневников соответствующие места и в чешском переводе передал их И. Флориану, однако до издания дело тогда не дошло. После войны Г. Яноух разыскал среди своих бумаг и у друзей чешско-немецкие и немецко-чешские тексты своих записей и, «ограничившись лишь приведением в порядок, отбором и перепиской старых воспоминаний», опубликовал «Разговоры с Кафкой. Записи и воспоминания» («Gesprache mit Kafka. Aufzeichnungen und Erinnerungen», S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main, 1951).

Разумеется, книга Г. Яноуха требует к себе критического отношения – во-первых, как всякие воспоминания, а не прямые высказывания того, о ком «вспоминают»; во-вторых, следует учесть, что время встреч и бесед 17-18-летнего юноши с Кафкой отделено от времени появления на свет записок об этих встречах двумя с половиной десятилетиями; кроме того, нам трудно установить характер «отбора и переписки». Но, видимо, стоит принять во внимание отношение М. Брода к этой работе. В третьем издании своей книги «Franz Kafka. Eine Biographie», дополненном новой главой и новыми материалами, рассказывая о том, что в 1947 году Г. Яноух прислал ему рукопись своих воспоминаний, М. Брод пишет: «Слова Кафки, которые передает Яноух, производят впечатление подлинности и достоверности, на них лежит несомненный отпечаток разговорного стиля Кафки – стиля, еще более конденсированного, еще более четкого, чем стиль его сочинений. ... Так же и круг тем, обсуждающихся в разговорах с Яноухом, мне знаком по моим бесчисленным беседам с Кафкой, и я без труда узнаю в них главную сферу интересов, в которой вращался Кафка».

Свидетельство это, разумеется, тоже субъективное, и мы не можем на его основании безоговорочно принимать книгу Г. Яноуха как подлинный документ. Тем не менее мы включили ее в сборник (выбрав высказывания, касающиеся главным образом литературы и искусства, а также некоторых общих вопросов мировоззрения), поскольку книга эта прочно вошла в число источников, составляющих «мировую кафкиану».

Публикуемые нами высказывания Кафки составляют около половины книги Г. Яноуха. Сопутствующие встречам и беседам обстоятельства, описания обстановки, внешние характеристики, поведение Кафки («смущенно улыбнулся», «печально улыбнулся», «задумался»), жестикация и т. д., рассуждения самого Яноуха при этом опущены. Мы лишь указали на то, что послужило поводом для высказывания Кафки, и привели необходимые реплики его собеседника, выделив то и другое курсивом.

Примечания

1 Ледерер, Эрнст (1904-?) – немецкий поэт и художник. Участник гражданской войны в Испании, погиб в немецком концентрационном лагере.

2 Речь идет об одноактных пьесах немецкого поэта-драматурга Вальтера Хазенклевера (1890–1940) «Спаситель» («Der Retter», 1919) и австрийского драматурга Артура Шницлера (1862–1931) «Зеленый попугай» («Der grüne Kakadu», 1899). Драма «Сын» («Der Sohn»,

1914) Вальтера Хазенклевера в начале 20-х годов была модной постановкой немецких экспрессионистов.

3 Синг, Джон Миллингтон (1871–1909) – ирландский драматург, пьеса «Герой Запада» («Playboy of the Western World») была впервые опубликована в 1907 году.

4 Каспар Гаузер – таинственный «найденый», объявившийся в 1828 году в Нюрнберге. Его судьбе посвящен роман «Каспар Гаузер, или Лень сердца» («Caspar Hauser, oder Tragheit des Herzens», 1908) Якоба Вассермана.

5 Драма Эрнста Вайса (1884–1940) «Таня» («Tanja») написана в 1920 году.

6 «Двуглавая нимфа» («Die doppelkopfige Nymphe») – книга статей о литературе и действительности немецкого писателя, теоретика экспрессионизма Казимира Эдшмида (1890–1966).

7 Лишь тот достоин жизни и любви... – Ошибка ли здесь – и чья именно; Кафки ли Яноуха – или нарочитое искажение строки из «Фауста» («лишь тот достоин жизни и свободы» – пер. Б. Пастернака), установить нельзя.

8 Моргенштерн, Кристиан (1871–1914) – немецкий поэт; сборник «Песни висельника» («Die Galgenlieder», 1905) состоит из гротескно-фантастических стихов; сб. «Ступени. История жизни в афоризмах в дневниковых записях» («Stufen. Eine Entwicklung in Aphorismen und Tagebuchnotizen») вышел в 1918 году.

9 Альтенберг, Петер (1859–1919) – австрийский писатель, автор блестящих по форме небольших рассказов, зарисовок, афоризмов.

10 Мейринк, Густав (1868–1932) – австрийский писатель; «Голем» – еврейская средневековая легенда, легшая в основу одноименного романа Г. Мейринка («Der Golem», 1915).

11 Имеется в виду стихотворение Бехера «An den Schial» (1918).

12 Краус, Карл (1874–1936) – австрийский писатель, публицист. В 1899 году основал журнал «Факел» («Die Fackel»), с 1911 года он являлся его единственным автором (до 1936 года вышло 922 номера журнала).

13 Польгар, Альфред (1875–1955) – австрийский писатель, критик.

14 Жамм, Франсис (1868–1938) – французский поэт.

15 Блей, Франц (1871–1942) – австрийский писатель и критик. Его сатирическая книга «Bestiarium literaricum, das ist: Genaue Beschreibung derer Tiere des literarischen Deutschlands» вышла в 1920 году. Расширенное издание ее вышло в 1924 году под названием «Das grope Bestiarium der modernen Literatur».

16 На чешском языке воспоминания М. Горького о Л. Толстом вышли в Праге в 1920 году.

17 «Ташкент – город хлебный» – повесть А. С. Неверова (1886–1923).

18 Бог, который велит ковать железо... – строка из песни немецкого поэта Эрнста Морица Арндта (1769–1860), написанной в 1812 году. Песня эта в свое время была одним из гимнов борьбы против Наполеона, а впоследствии стала одной из любимых песен: i немецких националистов.

19 Паке, Альфонс (1881–1944) – немецкий писатель, эссеист. Книга «Дух русской революции» («Der Geist der russischen Revolution») вышла в 1919 году.

20 Канцелярская бумага – установленный предписанием австрийского бюрократического аппарата лист определенного формата, на котором (и только на нем!) полагалось писать все деловые документы, прошения, донесения и т. д.

21 Х?льц, Макс (1889–1933) – немецкий революционер. В 1920 году во время реакционного капповского путча руководил вооруженным восстанием рабочих отрядов в Средней Германии. После поражения восстания был арестован и приговорен к пожизненному тюремному заключению, в 1928 году амнистирован. С 1929 года жил и работал в Советском Союзе.

22 Имеется в виду антология «Сумерки человечества, Симфония новейшей поэзии» («Menschheitsdämmerung, Symphonie jungster Dichtung»), вышедшая в 1920 году в издательстве «Ровольт».

23 Гросс, Георг (1893–1959) – немецкий художник и карикатурист.

24 Перелистывая книгу с рисунками Георга Гросса. – Речь идет о книге Гросса «Лицо господствующего класса» («Das Gesicht der herrschenden Klasse»), вышедшей в 1921 году в издательстве «Малик».